

Мызникова Янина Валерьевна

Санкт-Петербургский государственный университет,
Россия, 199034, Санкт-Петербург, Университетская наб., 7–9
janinam@mail.ru

Специфика межэтнического взаимодействия в Симбирском Заволжье по данным русских говоров*

Для цитирования: Мызникова Я. В. Специфика межэтнического взаимодействия в Симбирском Заволжье по данным русских говоров. *Вестник Санкт-Петербургского университета. Язык и литература*. 2020, 17 (1): 38–48. <https://doi.org/10.21638/spbu09.2020.103>

В статье анализируются записи диалектной речи, сделанные в русских селах Ульяновской области. Говоры Среднего Поволжья представляют особый интерес для автора исследования в связи с той полиэтнической и полиязыковой средой, которая исторически сложилась в этом регионе в результате совместного проживания славянских, тюркских и финно-угорских групп населения. В наших записях русской диалектной речи можно обнаружить языковые свидетельства этнокультурного взаимодействия в данном регионе. Записанные тексты отражают комплекс общих для различных этнических групп Симбирского Заволжья традиций ведения хозяйственной деятельности, питания, обустройства жилища. Так, в области питания отметим значительную роль блюд из тыквы, которым в русской традиционной кухне никогда не отводилось сколько-нибудь значимой роли. Блюда из тыквы традиционно были популярны у других этнических групп Ульяновской области. У русского населения Ульяновской области можно обнаружить схожие с мордовскими способы приготовления тыквы. Одной из любимых сладостей, в прежние времена заменявшей сахар, по словам информантов, была *курага* — 'высушенные в печи кусочки тыквы'. В наибольшей степени тюркское и финно-угорское влияние на русские говоры проявилось в сфере животноводства. Это прежде всего лексика, связанная с отгонным содержанием скота. В сферах хозяйственной деятельности, культуры питания наблюдаются самые значительные результаты взаимодействия материальных культур. В сфере духовной культуры взаимовлияние оказалось ограничено конфессиональными рамками. Для обследованных районов Ульяновской области характерно смешанное русско-мордовско-чувашское население сел и деревень. Связь этнической специфики с конфессиональной проявляется в том, что принадлежность индивида к определенной религии может выступать в качестве его этнического идентификатора. Современные информанты подчеркивают идентичность русского, мордовского, чувашского населения. Иной тип отношений складывается с населением окрестных татарских деревень, отделенных барьером иной веры. Информанты подчеркивают дружеские, но при этом сдержанные отношения.

Ключевые слова: языковые контакты, заимствованная лексика, русские говоры, тюркские языки, финно-угорские языки.

* Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ в рамках научно-исследовательского проекта № 17-29-09021 «Русские говоры Симбирского Заволжья как отражение этноязыкового взаимодействия».

Вступительные замечания

Материалом для данного исследования послужили главным образом записи диалектных текстов, сделанные автором с 2012 по 2018 г. в русских селах левобережной части Ульяновской области в Старомайнском, Чердаклинском и Мелекесском районах, а также тексты, опубликованные С. А. Мызниковым в книге «Русские говоры Среднего Поволжья: Чувашская Республика, Республика Марий Эл» [Мызников 2005]. Говоры Среднего Поволжья представляют особый интерес для автора статьи в связи с той полиэтнической и полиязыковой средой, которая исторически сложилась в этом регионе в результате совместного проживания славянских, тюркских и финно-угорских групп населения.

Предки нынешних татар, чувашей, мордвы, марийцев жили на территории Среднего Поволжья еще до заселения края русскими. На рубеже I–II тысячелетий н. э. Волжская Болгария, сложившаяся на основе содружества чувашей, мордвы и марийцев, со столицей Болгар, занимала обширную территорию Среднего Поволжья. В XV в. на месте прежнего Болгарского государства появляется Казанское ханство. Далее в регионе конкурируют тенденции исламизации и христианизации местных языческих групп населения. Преобладающая часть русских населенных пунктов возникла в Симбирском Заволжье в середине XVII в. Многие из обследованных сел (Дмитриево-Помряскино, Красная Река, Русский Юрткуль, Базарно-Мордовские Юрткули, Матвеевка) были изначально заселены мордвой. Об этом свидетельствуют как исследования местных историков [Мордвинов 2007], так и устные предания местных жителей¹:

У нас веть тут вот мордва, а мы руские. Эта называцца Новая Деревня, а вот на горе — эт Стара Деревня. Эт приехал мордвин, там поселился, а русский приехал — здесь паселился, внизу. Веть тогда как: была рапства, бегли кресьяне от рапства, а рапства какое? Вот приедет купец; ты мне жэна, продаст, я остаюс один. И вот бегли в эти места глухие. Вот прибёк мордвин, он на горе построилса, а русский прибёк — он здесь построилса (с. Красная Река, Старомайнский р-н).

Многовековое взаимодействие ислама, христианства и язычества в Волго-Уральском регионе во многом предопределило появление здесь модели особого этнокультурного самосознания местного населения, формирование терпимого отношения к представителям других этнических и религиозных сообществ. Одна из причин такой терпимости заключалась в том, что в Поволжье существовали т. н. сложные общины, включавшие население с разным национальным составом [Бродовская, Буравлева 2016: 81]. Взаимодействию народов Поволжья в области материальной и духовной культуры посвящены не только работы этнографического характера [Данилко 2010; Ягафова 2013; Кузеев 1992; Романов 2003 и др.], но и лингвистические исследования, рассматривающие вопросы диалектологии и языковых контактов [Мызников 2005; Ахметьянов 1981; 1989]. В наших записях русской диалектной речи, сделанных в левобережных районах Ульяновской области, так-

¹ Тексты, записанные автором, приводятся в упрощенной фонетической записи, с отражением основных фонетических и грамматических особенностей говора, таких как неполное оканье, ёканье, стяжение гласных, специфическое склонение местоимений. В некоторых населенных пунктах, напр. в селе Крестово-Городище, у части информантов было отмечено аканье.

же можно обнаружить языковые свидетельства этнокультурного взаимодействия в данном регионе.

Отражение в русских говорах взаимодействия в области материальной культуры

В сфере материальной культуры записанные тексты отражают комплекс общих для различных этнических групп Симбирского Заволжья традиций ведения хозяйственной деятельности, питания, обустройства жилища. Так, в области питания отметим значительную роль блюд из тыквы, которым в русской традиционной кухне никогда не отводилось сколько-нибудь значимой роли. Блюда из тыквы традиционно были популярны у других этнических групп Ульяновской области. Так, несмотря на приверженность татар к мясной пище, овощи, в том числе и тыква, уже давно играют заметную роль в татарском хозяйстве. Особой популярностью в татарской кухне пользуются пироги с тыквенной начинкой, напр. *бэлиши* с тыквой, *бэккэн* с тыквой, *губадия* с тыквой. Тыква используется в татарской кухне в печеном, жареном и вареном виде. Блюда из тыквы можно найти в чувашской традиционной кухне: *кавын игерчи* (оладьи из тыквы), чувашский салат из тыквы с медом, тыквенная каша и тыквенный квас. В мордовской кухне также почетное место занимают блюда из тыквы. Тыкву пекли в печке, парили в горшках, закрывая горшки сковородой. В вяленом и пареном виде тыква зачастую заменяла сахар [Зотова 1977].

У русского населения Ульяновской области можно обнаружить схожие с мордовскими способы приготовления тыквы. Одной из любимых сладостей, в прежние времена заменявшей сахар, по словам информантов, была *курага́* (фонетический вариант *куряга́*) — ‘вяленые (высушенные) в печи кусочки тыквы, используемые в качестве сладостей’:

Тыкву сушили — эта курага́ мы называли. Также сначала парили ее, резали кусочками, потом на протвиль выкладывали... и в духофку в аткрытую, и ана вот сначала вялица-вялица-вялица, не нада её пересушивать, иначе нефкусная будет (с. Крестово-Городище, Чердаклинский р-н).

В русском языке слово *курага́* несомненно является тюркским заимствованием: тат. күрәгә ‘курага, урюк без косточки’ [Сабиров 2008: 154]; в словаре тюркизмов: *курага* ‘сушеные абрикосы без косточек’ от тюрк. *куру* ‘сохнуть’, *курак*, *куруг* ‘сухой’ [Шипова 1976: 198]. Само кушанье широко распространено и у мордвы.

Еще одно местное блюдо из тыквы — *ба́рыня* ‘кушанье из запеченной целиком тыквы’ — также имеет параллель в мордовской кухне:

А ищё на аснове тыквы барыней называлась у нас. Сама тыква бралас цэликом, крышка, как у арбуза, срезалас, мякоть и зёрна аттуда, в смысле мяса вот эта и зёрна, убиралис, а сама-та тыква, естессна, мяса вот эта-та, тыквенна-та, аставалас, накрывали иё этой самай. У каво пабагаче жыли, сахарком немношка там внутри насыпали, у каво нет — значит на этат, на скавароду иё ставили и в вольную печку. Вот угли прагарели, драва прагарели, там ничево, толька адин жар асталса, жар. И вот туда иё ставили, закрывали заслонкай, и ана там парилас. Патом иё вынимали, крышку эту снимали и лошкай аттуда, как ис чашки (с. Крестово-Городище, Чердаклинский р-н).

Из других наименований местных блюд, отражающих межэтническое взаимодействие русских и других народов Поволжья, стоит указать *кулéш* и *шурпá*. *Шурпá* ‘крепкий жирный суп из баранины с добавлением зелени, пряностей, лапши, овощей, который обычно готовится на открытом огне’ хорошо известна русским левобережной Волги, хотя и характеризуется ими как «татарское блюдо»: тат. *шулта* ‘бульон, суп’ [Сабиров 2008: 262], чув. *шурпе* ‘похлебка’ [ЭСЧЯ: 465].

Характерной особенностью сельского хозяйства левобережных районов Ульяновской области всегда было хорошо развитое животноводство, в частности овцеводство. В каждом хозяйстве, деревне, селе были пастухи (*чабаны* или *овчары*). Все лето пастух с подпасками жил в поле в землянке. Овчару (овечьему пастуху) полагалась баранина, из которой он мог в поле готовить похлебку. Такая похлебка называлась *кулéш* (*полевой суп*) — ‘пастуший суп из баранины с добавлением пшена, картошки’: *И вот он [отец] варил на костре суп палевой или кулéш, как он назывался ещё, эта бес картошки, мок картошки немношка туда пустить, на баранине, и пишено кинет* (с. Крестово-Городище, Чердаклинский р-н).

В словаре русского литературного языка *кулéш* определяется как «обл. жидкая каша; густая крупяная похлебка» [БАС: 1817]. В «Словаре русских народных говоров» для данного слова приводятся следующие значения: «1. Сладкий суп. Одним кулешом сыт не будешь. Покр. Влад., 1905–1921. 2. Кисель из муки, иногда с брусникой. Твер., 1860. Пск. || Гороховый кисель. Смол., 1853. Ряз. 3. Толченая картошка. Дорогоб. Смол., 1927. 4. Кулич. Влт. 1007» [СРНГ: 60].

В исследуемом ареале культурно-хозяйственное взаимодействие русских с иноэтническими и инокультурными группами обусловило своеобразие пищевой традиции, что и отразилось в особом значении слова *кулéш* в левобережном Поволжье: ‘мясной суп’ (характерный для тюркской традиции), а не ‘жидкая каша’.

Хорошее развитие животноводства в Ульяновской области обуславливает наличие различных наименований загонов для скота. Среди этих наименований весьма употребительным является слово *кáлда* (фонетический вариант *кáрда*): *Ну вот калда вот называли мы их. Вот раньше тут лошадь у нас стояла — была калда* (с. Крестово-Городище, Чердаклинский р-н). Слова *калда* и *карда* используются еще и в значении ‘скотный двор’, особенно по отношению к большому колхозному двору: *Вот доила я фсю дорогу — кáлда там огромдна, по двести голов в каждой, она тожэ эдак жэ называлась кáрдай, тока большая. Эта тока вот под одну лошадь была, маленькая, а там большие пряма* (с. Крестово-Городище, Чердаклинский р-н).

Лексема *кáлда* (с фонетическим вариантом *кáрда*) является наиболее распространенным наименованием огороженного места для скота и в соседней Самарской области: Т. Е. Баженова отмечает здесь самый высокий индекс репрезентативности этого наименования — оно представлено в 99 селах из 108 исследованных [Баженова 2017: 90]. Приводимые ею примеры употребления слова *кáлда/кáрда* свидетельствуют о его широком использовании для обозначения как дальних, так и ближних загонов для временного содержания крупного и мелкого скота. Исследователь связывает факт преобладания данного наименования среди других, в том числе и общерусских, с тем, что данную лексему, а также «самый способ временного пребывания домашних животных в огороженном месте как разновидность отгонного содержания скота русские переняли у коренных народов Среднего Поволжья — башкир, татар, а также у чувашей и мордвы» [Баженова 2017: 91].

Слово *калда* (*карда*) является весьма употребительным в Поволжье не только в русских говорах, но и в мордовских, а также в тюркских языках: тат. *киртә, кәртә* 'ограда, ограждение; жердь; двор'; чув. *карта* 'изгородь, загородка, прясло; загон, хлев, надворная постройка' [Ахметьянов 1989: 135]. Вопрос о его этимологии поднимался неоднократно и однозначного решения не имеет [Мызников 2005: 89–90]. Вариативность фонетического оформления, а также оттенков значения этой лексической единицы в русских говорах подтверждает ее заимствованный характер.

В целом лексика пастбищного скотоводства отражает весьма древнее влияние тюркских традиций. Так, все принятые в Поволжье наименования стада животных (*отара, табун, гурт, ватага*), а также наименование овечьего пастуха (*чабан*) являются достаточно древними тюркизмами [Шипова 1976: 109, 117, 254, 300, 370]. Тюркизмом, видимо, является и слово для отгона овец *арря*.

Пастбища, а особенно летние загоны, старались устраивать рядом с водоемом. Если рядом с селом не было естественного водоема, устраивали искусственный. У обрусевшей мордвы в с. Базарно-Мордовские Юрткули автором было зафиксировано особое наименование для такого водоема — *ловсэ-эрькэ* 'небольшой естественный или искусственный водоем, к которому пригоняли коров на дойку':

Делали вот такие озёрца небольшие и называли их ловсэ-эрькэ. Ловсэ от слова «малоко» на мордофском. Ловсэ-эрькэ — молошнае озерцэ. Вот к этому молошному озерцу фсегда пригоняли, только туда фсегда (с. Базарно-Мордовские Юрткули, Старомайский р-н).

Прежде бóльшую часть жителей некоторых обследованных населенных пунктов Старомайского района Ульяновской области (Базарно-Мордовские Юрткули, Русский Юрткуль, Матвеевка, Красная Река) составляла мордва. Многие традиции этих мест, в том числе и сельскохозяйственные, в частности «молочные озера», давно стали общими для всех.

В сфере хозяйственной деятельности, культуры питания наблюдаются самые значительные результаты взаимодействия материальных культур. Что же касается сферы духовной культуры, здесь взаимовлияние в гораздо большей степени оказалось ограниченным профессиональными рамками.

Этноконфессиональный фактор как регулятор межэтнической коммуникации

В полиэтническом регионе каждая социальная микрогруппа внутри сложного сообщества имеет свой набор традиций и правил, которые директивно или косвенно предписывают членам данной группы формы общения друг с другом и с представителями других групп. Как показывает А. Вежицкая, культурные нормы, которые оказываются специфичными для каждого конкретного общества, являются факторами, выстраивающими модели коммуникации данного общества в рамках эксплицитных культурно обусловленных сценариев: «...это прежде всего сценарии того, что кто-то может или не может сказать, того, что кто-то может или не может делать, а также того, что “хорошо” говорить или делать» [Вежицкая 1999: 130]. Одной из базовых категорий, лежащих в основе этих сценариев, является оппозиция «своего» и «чужого». Она членит окружающую действительность на два мира:

«свой» (близкий, безопасный, оцениваемый положительно) и «чужой» (плохой, опасный). Совершенно естественно, что оппозиция «свой — чужой» имеет отражение в языке, сопрягаясь с категорией отрицательной оценки [Пеньковский 1989].

Процесс диалектной коммуникации также во многом выстраивается на основе данной оппозиции в различных аспектах ее проявления. Характеристики и оценки, даваемые представителям иноэтнических социальных групп, их действиям, могут косвенно выявлять и вербализовать превалирующие нормы, ценности и установки того коллектива, к которому относится говорящий: «Рассказы о подобных историях формулируют нормы и ценности, на основе которых производится оценка “отклоняющихся” форм поведения» [Дейк 2000: 192].

В записанных текстах отражены принципы как моносоциумной коммуникации внутри сельской общины, так и межсоциумной коммуникации с представителями соседних общин. В рассказах информантов можно встретить пояснения, в какие окрестные села ходили в гости, где гуляли и отмечали праздники, а куда ходить было не принято, в какие села обычно выходили замуж, откуда брали невест. В приводимом ниже тексте пожилая женщина вспоминает, какой трагедией для нее стал выход замуж в «чужое» село Базарно-Мордовские Юрткули, тогда как жители ее деревни — Михайловки — привыкли «касаться больше-то в Грибовку».

Вышла моя золофка сюда замуш. Деревня у нас стала распадаца, Михайлафка там, Грибафка — пять километраф отсюда. Свёкрофь сюды приехала с сынам с однем: «Айдате, пожалуста, вам эта здесь лучшэ будет, фсе мы здесь». Другá золофка вышла.

Мать моя родная! У меня как пять галосьёф ток реву! В этом углу этим голасам, в этом углу этим: неохота была сюда, неохота. В Грибафку мне была охота. Она касаюца большэ-та в Юрткули, а мы в Грибафку. Ну и черти приташшыли сюда сорок шестом году. Когда Писэ-та умер? Какем году-т? Ох-ох-ох, удавлюс! «Шура! У тя вить Марь Иванна хочет давица!» «Да пусть давица!» «Не нада, сынок, не гавори! Тоскует она, осталась мать там». Как я привыкла — я не знаю, долга эт я... Ни к кому не могу прям вот сходить, к золофкам и то... (с. Базарно-Мордовские Юрткули, Старомайнский р-н).

В данном случае причиной возникновения психологического барьера между людьми из соседних сельских социумов мог послужить этнический фактор, так как население села Базарно-Мордовские Юрткули является смешанным, в основном русско-мордовским. Однако в социальной самоидентификации все же конфессиональный фактор преобладает над этногенетическим. Так, жители села Базарно-Мордовские Юрткули подчеркивают идентичность русского и мордовского населения:

У нас одёжы фсё по-русски. У татар вить то оборки, то платки носят па-другому повязана, а у нас фсё руская. У нас нету безлички, убезлички нет никакой: русская ли я, мордофка ли, ничо не была личнава такова штобы вот. И никто нами не марковáл, не брезгавали, берём русских и никогда вот, вот шас как родные. У нас драки нету никакой (с. Базарно-Мордовские Юрткули, Старомайнский р-н).

Интересно, что внутри полиэтнического по происхождению микросоциума села Базарно-Мордовские Юрткули информанты отмечают полное согласие: *У нас ничо такова ни делаца плохо, фсе хорошые, чужых у нас никово нет, и плохо у нас ничо не делаца* (с. Базарно-Мордовские Юрткули, Старомайнский р-н). Не-

сколько иные отношения складываются у жителей сел Базарно-Мордовские Юрткули и Русский Юрткуль с населением окрестных татарских деревень, с которым они разделены барьером «чужой» веры:

Вот татары у нас — три деревни, но мы туда не касаемся. Средний Юрткуль, но мы туда нет, касаемся вот, дружим и фсё, и законно, не ссоримса, а замуш туда — которы уш больна уш такие есь бойкие. Ретка, очэнь ретка. Вот в русё мы эти, чувашки дажэ вот здесь есь, роботать приежжали, познакомилис с нашими ребятишками, здесь осталис. Оне тожэ уш стали. обрусели так жэ, как свое... Вот у нас в шабрах чувашка живёт. Она мирская православная, какая добрая жэншына (с. Базарно-Мордовские Юрткули, Старомайнский р-н);

У нас ззесь была три села татарских, три села русских. Оне, татары, фсегда отдельна. У них своя вера, у нас — своя, мы их не касалис, оне — нас (с. Русский Юрткуль, Старомайнский р-н).

Разграничение деревень, куда жители русских сел «не касаются», происходит не только на этнической, но и на религиозной основе. Связь этнической специфики с конфессиональной проявляется в том, что принадлежность индивида к определенной религии часто выступает в качестве его этнического идентификатора. Об этом свидетельствует и тот факт, что православные чувашки быстро становятся «своими». В целом надо отметить, что для рассматриваемых в статье районов Ульяновской области характерно смешанное русско-мордовско-чувашское население сел и деревень. Записи С. А. Мызникова в Чувашской Республике и в Республике Марий Эл также свидетельствуют об этнически смешанном характере деревень:

Когда оно стало русское село, не знаю. Откуда русские-то здесь маленько явились. А потом вот тут деревня Шабулаты, там так слепились вместе, дружили вместе, там чувашки, оне как русски, оне по-русски, мы немного и я по-чувашски знала, час уж забываю, так разговор путаю (с. Буртасы, Урмарский р-н, Чувашия) [Мызников 2005: 177].

Ковда объединение колхозов, наши ребята пережэнились на марийках, они доярками работали. Сечас в Нуж-ключе чисто русских семей нет, только смешанные (с. Нуж-Ключ, Моркинский р-н, Марий Эл) [Там же: 220].

Отметим, однако, что такой ситуация была не всегда, так как фактор чужого языка и чужого этноса все же играет не последнюю роль. Жители Чувашии и Марий Эл отмечают, что в прежние времена отношения были весьма напряженными:

Здесь раньше чуваш не было. Чувашам не давали пройти по улицэ, дрались. За чувашэй раньшэ замуж не отдадут и не возьмут, сиди сто лет (с. Буртасы, Урмарский р-н, Чувашия) [Там же: 182];

Как вот война-то кончилась, так и все помешались. До войны не было никакех тут сторонних, одни русские. Бывало, вот попадэш где, то башку снесут, ненавидели. Йор-йор и всё, а мы не понимаем их (с. Майдан, Юринский р-н, Марий Эл) [Там же: 193].

Существенная роль конфессионального фактора в межсоциумной коммуникации видна во взаимоотношениях с соседними староверческими селами, которые не всегда складываются гладко:

Ну вот видиш, даже в сёлах разных и то по-разному: у нас веть вот в Гародищах вроде одинакава, а вот Красный Яр — там веть, ну, другой нарот. Он русский, православный, но оне, знаеш, староверы называюца, кулугуры, панимаеш? И у нас потом кулугуры-т есть, я веть проста, ты панимаеш, русский чоловік, хресьянин, и фсё, я проста славянин, и фсё, кришшоный я, а те, оне не крешоны, у них софсем другая вера, оне не хресьянской веры. Оне хресьянской веры, а исповедают па-другому, у них законы софсем другеи. Он вот каждый свою посуду имет, даже вот крушку он свою фсегда, лошку свою, он её никому не даст, ты панимаеш? Вот ф Красный Яр раньшэ идёш, пить охота, зайдёш: «Тётя, дай попить!» «Есть посуда?» «Нет!» «Ну иди!» Понятна? Оне не дадут своей посуды (с. Крестово-Городище, Чердаклинский р-н).

Что же касается этнического фактора в моносоциумной и в межсоциумной коммуникации, диалектные тексты зачастую показывают перерастание более принципиальных внутренних противоречий в чисто внешние признаки, противопоставляющие коммуникантов разного этнического происхождения:

Вот тут у нас раньшы Родительска, идуг на клатбишшэ. Иринка Баскакава и гаворит: «Тётя Клавдия, у вас на Родительску на Троицу ходют?» Я гаворю: «Нет, Ирина, у нас на Троицу не ходют, у нас толька на Родительску ходют». «А у нас наборот — у нас толька на Троицу». «Ну, гаворю, у каждава свой, видиш, своя вера, своё поверье». Гаворим: «А почому вас попережны зовут?» Мордва: почому попережны грю зовут? А она: «Вот чо бы мы ни шыли, обязатильна попережну эту, красну кромку, фставляем». Вот попережну: раньшы платья шыли дольны, а эта, значыт, попережна штоб была красна. Вот я шас смотрю, и дачники ходют. Гаворю: вот видна, эта паперёжны, наверна. И вот идёт, горь: «Батюшки, у нас кака-та мордофка идёт». У ней и платье, ф прошлый рас пришла: «Валя, да ты ф каком платьи ходиш?» «Ну ф каком — в быкнавеннам». Я гарю: «Я думала, мордофка идёт». Она грит: «Не-ет, топерича мы фсе как мордва, грит, ходим» (с. Старый Белый Яр, Чердаклинский р-н).

По всей видимости, данный текст отражает преобразование лексемы *поперёжный* с оценочным значением, относящимся к упрямому, несговорчивому характеру, а возможно, и к отличным традициям, в оценку чисто внешнюю, относящуюся к элементам одежды.

Заключение

Симбирское Заволжье является регионом длительных и преимущественно мирных взаимодействий на одной территории разных по языку, культуре и религии народов. Р. Г. Кузеев в своей монографии «Народы Среднего Поволжья и Южного Урала» пишет о многовековых взаимосвязях, которые привели к формированию у этих народов общего регионального слоя культуры, охватившего хозяйство, сферы материальной и духовной жизни. Но в то же время этот процесс не привел к разрушению этносов с их национальными культурами [Кузеев 1992: 5]. Древность и глубина взаимодействия тюркских и финно-угорских народов Среднего Поволжья убедительно обосновывается Р. Г. Ахметьяновым в лингвистических исследованиях, посвященных общей для этих народов лексике материальной и духовной культуры [Ахметьянов 1981; 1989].

С началом восточнославянского освоения Среднего Поволжья набирает силу влияние русского культурного суперстрата. Ко второй половине XIX в. культур-

ное воздействие русской крестьянской и городской культуры становится в регионе все более существенным. Наибольшей унификации подверглась хозяйственно-бытовая сфера живущих бок о бок этнических групп населения, так как именно эта сфера обусловлена природно-географическими условиями существования этноса. Так, уже в начале XX столетия основным направлением хозяйствования у всех народов региона становится пахотное земледелие, распространяются общие технологии, виды сельскохозяйственных орудий. В то же время укоренившиеся в Среднем Поволжье русские общины усваивают сложившиеся в данном регионе традиции скотоводства. Длительные этнокультурные контакты отразились и на взаимных заимствованиях кулинарных традиций, которые непосредственно связаны с направлениями хозяйственной деятельности. Все эти общие сельскохозяйственные и бытовые традиции нашли отражение и в языках контактирующих народов. В русских говорах Симбирского Заволжья этнокультурное взаимодействие в наибольшей степени проявляется в лексической сфере, где отмечается значительное число заимствований, преимущественно в тематической группе скотоводства.

В сфере духовной культуры весьма значимым фактором, влияющим на процессы этнокультурного взаимодействия, является конфессиональный фактор, прежде всего христианская или мусульманская вера. Даже несмотря на современную ориентацию на городской образ жизни, повышение степени открытости этнических культур в связи со смешанными браками, общей хозяйственной и социальной сферой, все же основные культурные маркеры продолжают сохраняться. При этом наиболее значимыми факторами этнической самоидентификации для информантов являются знание родного языка и принадлежность к определенной конфессии.

Словари

- БАС — *Словарь современного русского литературного языка*: в 17 т. Т. 5: И–К. Виноградов В. В. (гл. ред.). М.; Л.: Изд-во Академии наук СССР, 1956. 1918 стб.
- Сабиров 2008 — Сабиров Р. А. *Татарско-русский полный учебный словарь*. М.: Толмач СТ; Казань: Татарнаме, 2008. 330 с.
- СРНГ — *Словарь русских народных говоров*. Вып. 16: Куделя — Лесной. Филин Ф. П., Сороколетов Ф. П. (ред.). Л.: Наука, 1980. 376 с.
- Шипова 1976 — Шипова Е. Н. *Словарь тюркизмов в русском языке*. Алма-Ата: Наука, 1976. 444 с.
- ЭСЧЯ — Федотов М. Р. *Этимологический словарь чувашского языка*: в 2 т. Т. 2. Чебоксары: Чуваш. гос. ин-т гуманитар. наук, 1996. 509 с.

Литература

- Ахметьянов 1981 — Ахметьянов Р. Г. *Общая лексика духовной культуры народов Среднего Поволжья*. М.: Наука, 1981. 144 с.
- Ахметьянов 1989 — Ахметьянов Р. Г. *Общая лексика материальной культуры народов Среднего Поволжья*. М.: Наука, 1989. 220 с.
- Баженова 2017 — Баженова Т. Е. *Лексика самарских говоров: типологическое и лексикографическое описание*. Самара: Самар. гос. социально-пед. ун-т, 2017. 190 с.
- Бродовская, Буравлева 2016 — Бродовская Л. Н., Буравлева В. В. Межкультурное взаимодействие в полиэтническом регионе Поволжья: от XIX к XXI веку. *Вестник Казанского государственного университета культуры и искусств*. 2016, (2): 80–84.
- Вежбицкая 1999 — Вежбицкая А. «Культурно-обусловленные сценарии»: новый подход к изучению межкультурной коммуникации. Пер. О. Н. Дубровской. В кн.: *Жанры речи*: в 3 вып. Гольдин В. Е. (отв. ред.). Вып. 2. Саратов: Изд-во Гос. учеб.-науч. центра «Колледж», 1999. С. 112–132.

- Данилко 2010 — Данилко Е. С. Татары в этнически смешанных поселениях Урало-Поволжья: особенности межкультурных взаимодействий. *Этнографическое обозрение*. 2010, (6): 54–65.
- Дейк 2000 — Дейк Т. А. ван. Предубеждение в дискурсе: Рассказы о национальных меньшинствах. Пер. В. С. Оптовой. В кн.: Дейк Т. А. ван. *Язык. Познание. Коммуникация*. Благовещенск: Благовещенск. гуманитар. колледж им. И. А. Бодуэна де Куртенэ, 2000. С. 190–227.
- Зотова 1977 — Зотова А. В. *Мордовская кухня*. Саранск: Мордов. кн. изд-во, 1977. 112 с.
- Кузеев 1992 — Кузеев Р. Г. *Народы Среднего Поволжья и Южного Урала: Этногенетический взгляд на историю*. М.: Наука, 1992. 347 с.
- Мордвинов 2007 — Мордвинов Ю. Н. *Взгляд в прошлое: Из истории селений Старомайнского района: версии, события, размышления, воспоминания*. Ульяновск: Караван, 2007. 414 с.
- Мызников 2005 — Мызников С. А. *Русские говоры Среднего Поволжья: Чувашская Республика, Республика Марий Эл*. СПб.: Наука, 2005. 636 с.
- Пеньковский 1989 — Пеньковский А. Б. О семантической категории «чуждости» в русском языке. В кн.: *Проблемы структурной лингвистики: 1985–1987*. Григорьев В. П. (отв. ред.). М.: Изд-во Академии наук СССР, 1989. С. 54–82.
- Романов 2003 — Романов В. Н. *Взаимодействие культурных систем в этническом пространстве Среднего Поволжья*. Ульяновск: Ульяновск. гос. ун-т, 2003. 249 с.
- Ягафова 2013 — Ягафова Е. А. Этнокультурное взаимодействие в Урало-Поволжье: опыт и современные исследования проблемы. В кн.: *Проблемы этнокультурного взаимодействия в Урало-Поволжье: история и современность*. Самара: Поволж. гос. социально-гуманит. академия, 2013. С. 5–10.

Статья поступила в редакцию 16 октября 2019 г.
Статья рекомендована в печать 16 декабря 2019 г.

Yanina V. Myznikova

St. Petersburg State University,
7–9, Universitetskaya nab., St. Petersburg, 199034, Russia
janinam@mail.ru

The specifics of ethnic interaction in the Middle Volga region through Russian dialect data

For citation: Myznikova Ya. V. The specifics of ethnic interaction in the Middle Volga region through Russian dialect data. *Vestnik of Saint Petersburg University. Language and Literature*. 2020, 17 (1): 38–48. <https://doi.org/10.21638/spbu09.2020.103> (In Russian)

The article analyzes the recordings of dialect speech made in Russian villages of the Ulyanovsk region. The dialects of the Middle Volga region are of particular interest to the author because of the polyethnic and multilingual environment, which resulted from the cohabitation of Slavic, Turkic and Finno-Ugric groups. Russian dialect speech reveals evidence of ethnic and cultural interaction. The recorded texts reflect a set of common, for different ethnic groups, traditions of farming, cooking, and dwellings. In the field of nutrition we can note the significant role of pumpkin dishes, which have never played an important role in Russian traditional cuisine. We can also find the native and borrowed words for them. The Turkic and Finno-Ugric influence upon Russian dialects was manifested to the greatest extent in the field of animal breeding. This is most of all vocabulary connected with the pasturing of cattle. In the field of agriculture and food culture we can see the most significant results of interaction between the material cultures. In the sphere of spiritual culture, confessional frameworks limited the mutual influence. A mixed Russian-Mordovian-Chuvash population of the villages character-

* The study was funded by RFBR, project No. 17-29-09021 “Russian dialects of the Middle Volga region as a reflection of ethnic language interaction”.

izes the Ulyanovsk region. An individual's belonging to a particular religion can be seen as an ethnic identifier. Modern informants emphasize the identity of the Russian, Mordovian, and Chuvash population. A different type of relationship develops with the population of the surrounding Tatar villages with the barrier being another faith. The informants point out friendly, but restrained relations.

Keywords: language contacts, borrowed vocabulary, Russian dialects, Turkic languages, Finno-Ugric languages.

References

- Ахметьянов 1981 — Ahmet'ianov R. G. *General vocabulary of spiritual culture of the peoples of the Middle Volga region*. Moscow: Nauka Publ., 1981. 144 p. (In Russian)
- Ахметьянов 1989 — Ahmet'ianov R. G. *General vocabulary of material culture of the peoples of the Middle Volga region*. Moscow: Nauka Publ., 1989. 220 p. (In Russian)
- Баженова 2017 — Bazhenova T. E. *Vocabulary of Samara dialects: typological and lexicographic description*. Samara: Samara State Social and Pedagogical University Press, 2017. 190 p. (In Russian)
- Бродовская, Буравлева 2016 — Brodovskaia L. N., Buravleva V. V. Intercultural interaction in the polyethnic region of the Volga region: from the 19th to the 21st century. *Vestnik Kazanskogo gosudarstvennogo universiteta kul'tury i iskusstv*. 2016, (2): 80–84. (In Russian)
- Вежбицкая 1999 — Wierzbicka A. "Cultural scripts": A new approach to the study of cross-cultural communication. Transl. by O. N. Dubrovskaja. In: *Zhany rechii*: in 3 issues. Gol'din V. E. (ed.). Issue 2. Saratov: State Educational and Scientific Center "Kolledzh" Press, 1999. P. 112–132. (In Russian)
- Данилко 2010 — Danilko E. S. The Tatar in ethnically mixed settlements of Ural-Povolzhie: The specificity of Cultural Interactions. *Ethnographic Review*. 2010, (6): 54–65. (In Russian)
- Дейк 2000 — Dijk T. A. van. Prejudice in discourse: Stories about minorities. Transl. by V. S. Optova. In: Dijk T. A. van. *Iazyk. Poznanie. Kommunikatsiia*. Blagoveshchensk: Baudouin de Courtenay Blagoveshchensk State Humanitarian College Press, 2000. P. 190–227. (In Russian)
- Зотова 1977 — Zotova A. V. *Mordovian cuisine*. Saransk: Mordovian Book Publishing House, 1977. 112 p. (In Russian)
- Кузеев 1992 — Kuzeev R. G. *People of the Middle Volga and Southern Ural: Ethnogenetic view on history*. Moscow: Nauka Publ., 1992. 347 p. (In Russian)
- Мордвинов 2007 — Mordvinov Iu. N. *A Look into the past: From the history of villages of the Staromaynsky district: versions, events, thoughts, memories*. Ulyanovsk: Karavan Publ., 2007. 414 p. (In Russian)
- Мызников 2005 — Myznikov S. A. *Russian dialects of the Middle Volga: Chuvash Republic, Mari El Republic*. St. Petersburg: Nauka Publ., 2005. 636 p. (In Russian)
- Пеньковский 1989 — Pen'kovskii A. B. On the semantic category of "alienness" in Russian. In: *Problemy strukturnoi lingvistiki: 1985–1987*. Grigor'ev V. P. (ed.). Moscow: USSR Academy of Sciences Press, 1989. P. 54–82. (In Russian)
- Романов 2003 — Romanov V. N. *The interaction of cultural systems in the ethnic space of the Middle Volga*. Ulyanovsk: Ulyanovsk State University Press, 2003. 249 p. (In Russian)
- Ягафова 2013 — Iagafova E. A. Ethnocultural interaction in the Ural-Volga region: experience and modern research of the problem. In: *Problemy etnokul'turnogo vzaimodeistviia v Uralo-Povolzh'e: istoriia i sovremnost'*. Samara: Volga State Social and Humanitarian Academy Press, 2013. P. 5–11. (In Russian)

Received: October 16, 2019

Accepted: December 16, 2019